

СОДРУЖЕСТВО НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В сентябре 2011 г. Отделение международных экономических и политических исследований Института экономики РАН и редакционная коллегия журнала “Новая и новейшая история” провели обсуждение проблем и перспектив развития Содружества Независимых Государств (СНГ) в связи с его 20-летием. “Круглый стол” вел заместитель директора Института экономики, д.э.н., проф. С.П. Глинкина, в нем приняли участие сотрудники Института: д.и.н., зав. Центром политических исследований, проф. Б.А. Шмелев, д.и.н. В.И. Дашичев, д.и.н. А.С. Ципко, д.э.н. А.Н. Барковский, к.э.н. Л.С. Косикова, к.и.н. Н.И. Бухарин, к.и.н. И.Ф. Селиванова, к.и.н. Н.Я. Лактионова, к.п.н. М.Е. Симон, научный сотрудник Н.К. Меден. В дискуссии участвовал д.и.н., проф. М.А. Мунтян (МГИМО МИД России). В обсуждении тематики “круглого стола” и его подготовке к публикации принял участие член редколлегии журнала “Новая и новейшая история” главный научный сотрудник ИЭ РАН, д.и.н., проф. И.И. Орлик. Он напомнил, что в журнале “Новая и новейшая история” уже публиковались материалы ИЭ РАН о положении в странах СНГ, сложных проблемах их взаимоотношений. Эти публикации с большим интересом были восприняты у нас в стране и за рубежом.

С.П. Глинкина: 20-летие образования СНГ является убедительным поводом для оценки ситуации в Содружестве и его перспективах. 20 лет в контексте всемирно-исторического процесса, конечно, срок совсем небольшой. Но если принять за аксиому оценку В.В. Путина, что “крушение СССР – величайшая геополитическая катастрофа”, то этот период занимает и в отечественной истории и в мировой политике особое место. В этой связи роль СНГ в преодолении этой катастрофы нуждается в экспертной оценке. Действительно ли это всего лишь средство “цивилизованного развода” и в этом случае его функции близки к исчерпанию или это платформа для форматирования пространства, а может, и формирования на нем будущего интеграционного объединения?

По прошествии 20 лет очевидно, что из СНГ не получилось обновленного СССР, и не могло получиться в силу целого ряда обстоятельств, не сложился и аналог ЕС. Но и о его расформировании говорить пока преждевременно, поскольку свою роль политического клуба лидеров постсоветских государств оно пока сохраняет, несмотря на то, что роль Содружества в смягчении противоречий между его членами постоянно сокращается. К своему юбилею Содружество подошло в усеченном виде. Грузия в августе 2009 г. вышла из СНГ, но выразила желание сохранить свое участие в 70 заключенных в рамках СНГ договорах и соглашениях, которые открыты для государств, не входящих в Содружество.

Не подписав Устав СНГ, Украина де-юре не является его полноправным членом. Саммиты СНГ стали игнорироваться высшими руководителями стран – участниц. Юбилейную встречу глав государств в Ташкенте в сентябре 2011 г. помимо И. Алиева и И. Каримова, проигнорировал и А.Г. Лукашенко, не говоря о том, что саммиты постоянно пропускает глава Туркмении, ограничивающейся статусом ассоциированного члена Содружества. И тем не менее Россия намерена совместно с партнерами активно работать над совершенствованием форм сотрудничества СНГ.

Б.А. Шмелев: Датой образования Содружества Независимых Государств (СНГ) является 8 декабря 1991 г., когда в белорусском местечке Вискули в Беловежской Пуще президент России Б.Н. Ельцин, президент Украины Л.М. Кравчук и спикер белорусского парламента С.С. Шушкевич подписали “Соглашение о создании Содружества Независимых Государств”. С самого начала своего образования, завершившегося принятием Устава СНГ, Содружество обладало всеми признаками международной организации: оно создано суверенными государствами путем подписания международного договора;

его юридической базой стало международное право, о чем заявлено в учредительных документах;

в соответствии с Уставом, оно состоит из государств-учредителей, государств-членов, предусмотрено ассоциированное членство и статус наблюдателя;

оно имеет постоянную организационную структуру, которая включает органы, наделенные правом принятия решений, и органы, выполняющие функции секретариата;

Содружество располагает бюджетом, формируемым на основе долевых взносов государств – членов;

Устав СНГ зарегистрирован в Секретариате ООН.

В этих основополагающих документах были закреплены принципиальные основы формирования СНГ, которое виделось как военно-политический и экономический союз государств, возникших на руинах Советского Союза. Огромное значение имели закрепленные в них положения об отказе от территориальных претензий друг к другу и о признании бывших административных межреспубликанских границ в качестве межгосударственных. Это уберегло постсоветское пространство от кровавой трагедии, аналогичной той, что разыгралась на месте бывшей Югославии, когда населявшие ее народы приступили к строительству национальных государств в этнических границах.

Принятый принцип определения межгосударственных границ на постсоветском пространстве больше всего задевал интересы России, которая теряла многие ей исторически принадлежавшие территории. Но она проявила благоразумие и мудрость и согласилась с этим принципом. Это необходимо было сделать и для соответствия критериям признания новых государств в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза решениям ЕС от 16 декабря 1991 г. – так называемый “Брюссельский минимум”.

СНГ было создано для достижения общих целей и наделено определенной компетенцией (статьи 1–4 Устава СНГ). Почти единодушное одобрение Соглашения, подписанного в Вискулях, парламентами России, Украины и Белоруссии, дает ясный и не двусмысленный ответ на вопрос о причинах распада СССР. Советский Союз распался под воздействием внутренних противоречий, накопившихся в процессе его развития в экономической, политической, социальной и других областях, и неспособностью правящей коммунистической номенклатуры их разрешить. “Внешний фактор” сыграл второстепенную роль, так как и Западная Европа и США не хотели дезинтеграции СССР, опасаясь непредсказуемых последствий самораспада сверхдержавы с ее гигантскими запасами оружия массового уничтожения.

М.А. Мунтян: Образование СНГ содействовало свободному выбору каждой республикой своего пути и собственной модели государственного и экономического строительства в соответствии с национальными традициями и интересами. На долю стран СНГ приходится 10% мирового промышленного потенциала и 25% разведанных природных ресурсов планеты, в том числе 7% мировых запасов нефти и 40% природного газа. Совокупный ВВП государств Содружества вырос с 350 млрд. долл. в 1994 г. до более одного триллиона долларов в 2008 г. (в сопоставимых ценах). Содружество Независимых Государств по величине территории и населения почти полностью совпадает с характеристиками бывшего СССР (98% территории и 95% населения). В 2010 г. подтвержден и военно-стратегический паритет между ведущим участником СНГ в лице России и крупнейшей мировой державой – США. Однако по многим важным показателям СНГ существенно уступает другим крупным региональным объединениям,

существующим в современном мире. Специалисты оценивают общую долю стран СНГ в мировом ВВП примерно в 3%, у ЕС и НАФТА – в 26%, у АТЭС (без членов НАФТА) в 29%. Аналогичный многократный разрыв сохраняется и в сфере глобальных инвестиций (СНГ – 3%), а также государственных расходов (СНГ – 1,5–2%).

В международно-правовом поле СНГ имеет статус организации-наблюдателя ООН. СНГ как международная организация благоприятствовала адаптации своих членов к вызовам постбиполярного мира. В настоящее время уже очевидно, что успех внутреннего реформирования постсоветского пространства был возможен лишь в рамках сложной, многоуровневой стратегической концепции развития, которая тесно увязывалась бы с результатами конкретных преобразований и корректировкой тактических целей, отражающей все многообразие потребностей народов и государств Содружества. Реализация подобной стратегии во многом зависела от темпов и решительности превращения России в самостоятельный центр региональной интеграции.

И.Ф. Селиванова: В последнее время очевиден поворот России к проблемам, которые способны консолидировать СНГ, решения которых давно ждут члены Содружества. К числу таковых относится разработка документов о многосторонней зоне свободной торговли, подписание которых возможно уже в ближайшее время. На саммите в Ташкенте 2010 г. подготовлено Соглашение по вопросам миграции. И все же на многосторонней основе принимаются и реализуются решения лишь по культурно-историческим вопросам – о праздновании очередной годовщины победы в Великой Отечественной войне, об увековечивании памяти героев государств СНГ в ВОВ. Общие темы, представляющие интерес для всех стран – участников СНГ становится решать довольно сложно. Вопросы энергоресурсов, которые важны для всех, служат не фактором консолидации, а источником постоянных противоречий и конфликтов. Против политики Москвы в решении нефтегазовых проблем “взбунтовались” Белоруссия и Украина.

Межгосударственные и этнополитические конфликты в СНГ заморожены, но не урегулированы. Армяно-азербайджанские, российско-грузинские отношения отягощены территориальными проблемами. Посреднические усилия России по урегулированию конфликта вокруг Нагорного Карабаха и Приднестровья пока остаются безуспешными. Конечно, далеко не все зависит от России, непосредственные участники конфликтов не способны найти взаимный компромисс, но посредническая роль Москвы утрачивает в их глазах свою ценность. Все чаще они обращаются за помощью к своим европейским и американским партнерам. Этой тактики придерживается нынешнее руководство Молдавии, Азербайджана, лидеры центральноазиатских государств.

Более того, Россию обвиняют (зачастую совершенно необоснованно) в проведении новой имперской политики, в развязывании торговых войн с целью принуждения к выгодным Москве экономическим и политическим компромиссам.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СНГ

С.П. Гликина: Наиболее существенным вопросом взаимоотношений России со странами СНГ остается вопрос о том, какой должна быть российская политика в данном регионе. Хотя уже два десятилетия бывшие союзные республики взаимодействуют друг с другом в качестве признанных международным сообществом независимых государств, однозначного ответа на этот вопрос до сих пор нет.

В российской политической и государственной элите, в экспертном сообществе сталкиваются противоположные взгляды. Одна точка зрения сводится к тому, что регион СНГ – безусловный приоритет внешних связей Российской Федерации, и отношения с ближайшими соседями должны иметь особый характер. Это подразумевает тесные союзнические отношения в политике и в сфере безопасности, общее гуманитарное и безвизовое пространство, и разнообразные экономические предпочтения со стороны России партнерам, ведь “на дружбе не экономят”. Логическим продолжением такого взгляда является убежденность в необходимости сформировать региональный союз России

с другими государствами СНГ, что позволит усилить их геополитические и геоэкономические позиции в мире. Странники противоположной точки зрения обосновывают необходимость скорейшего перехода к общемировым принципам взаимоотношений со странами Содружества. Они считают, что современной России “хватит платить за геополитику” и ради имперских амбиций “кормить СНГ”; финансовое донорство России в регионе было отчасти оправдано на этапе становления новых государств и самостоятельных экономик. Пора исходить из реалий рыночной экономики и независимого существования и выстраивать отношения со странами СНГ, как и со всем остальным миром, в координатах “глобализация – регионализация”. Финансово-экономический кризис в мире и в постсоветском регионе дал сторонникам глобального подхода к модели экономических связей с СНГ дополнительные аргументы.

Л.С. Косикова: Первоначально Россия пыталась выстроить экономические связи с бывшими советскими республиками, руководствуясь концепцией “ближнего зарубежья”, подразумевавшую автоматическое сохранение особых отношений, прежде всего в экономической сфере. Тем не менее, нереалистичность инерционного подхода выявилась очень скоро. Россия недооценила нарождающиеся экономические интересы независимых государств, амбиции политических элит, их собственные устремления во внешней политике, далеко не всегда совпадавшие с интересами нашей страны, но главное – дезинтеграционные последствия рыночных реформ.

Итак, в первой половине 1990-х годов России не удалось выстроить рациональную экономическую линию поведения по отношению к бывшим республикам. На наш взгляд, один из грубейших просчетов состоял в том, что тогдашнее российское руководство не пыталось координировать свои радикальные реформы с соседями по СНГ, не просчитывало внешнеэкономические последствия “шоковой терапии”.

В середине 1990-х годов осознание пагубных последствий дезинтеграции хозяйственных связей способствовало появлению на свет крупных инициатив по многосторонней интеграции стран СНГ. Первой стала инициатива формирования Экономического союза по типу ЕС. Был подписан Договор о создании Экономического союза (24 сентября 1993 г.), а позднее в его развитие был заключен ряд многосторонних соглашений: Соглашение о создании зоны свободной торговли (апрель 1994 г.), о Межгосударственном банке стран СНГ, о Валютном комитете и др. Большинство из них так и остались не реализованными историческими документами. Они либо не были ратифицированы национальными парламентами, либо попросту не работали.

Единообразный подход к региону как к единому целому оказался непродуктивным. В середине 1990-х годов стало очевидно, что политика РФ в регионе должна стать более дифференцированной.

Контур российской политики в СНГ были сформулированы в сентябре 1995 г. в документе под названием “Стратегический курс России с государствами – участниками Содружества Независимых Государств”. В нем “главной целью политики России в отношении СНГ провозглашалось создание интегрированного экономически и политически объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе”. “Стратегический курс...” был настороженно воспринят в ряде стран. Резкой критике подвергли документ Украина, Узбекистан и Грузия, расценившие его как вмешательство во внутренние дела. Украина неоднократно заявляла, что “СНГ – это инструмент цивилизованного развода бывших республик”, а для нее – этап на пути к интеграции в европейские структуры. Наметился раскол и среди закавказских республик, втянутых в региональные этнические конфликты: Грузия и Азербайджан дистанцировались, тогда как Армения, получавшая военную поддержку, ориентировалась на более тесное взаимодействие с РФ. В Центральной Азии заметной стала “многовекторная” внешнеполитическая ориентация Узбекистана, а также специфическая позиция Туркмении, не желавшей присоединяться ни к каким многосторонним союзам. Из-за Приднестровского конфликта осторожную позицию заняла Молдавия.

Поэтому с 1996 г. российская сторона выдвинула концепцию “разноскоростной интеграции”. Ее суть заключалась в том, что на каждой стадии интеграции (зона свободной

торговли, таможенный союз, общий рынок и т.д.), первоначально могут объединяться лишь те страны Содружества, кто выражает готовность к такому сотрудничеству. Впоследствии к ним могут присоединяться и другие страны, а группа наиболее продвинутых государств может переходить на следующий, более высокий уровень интеграции.

Между тем именно тогда страны СНГ ожидали от России финансовой помощи в виде стабилизационных кредитов и выступали с инициативами либерализации российского рынка для своих товаров. В 1999 г. была реанимирована идея создания многосторонней зоны свободной торговли в СНГ. Но российское правительство не пошло на дополнительные затраты ради активизации взаимной торговли на региональном рынке.

В первое десятилетие после распада СССР политика России в СНГ отличалась резкими поворотами. Шел поиск компромиссных форм отношений России с соседями по СНГ, позволяющих сохранять определенный уровень взаимной торговли и производственной кооперации, поддерживать российских производителей и потребителей продукции из стран СНГ. Но такая политика требовала дотаций за счет российского бюджета. По оценкам профессора ИМЭМО Ю.В. Шишкова, в результате явного и скрытого субсидирования “ближнего зарубежья” Россия ежегодно в среднем теряла 3–4% ВВП, но огромные финансовые вливания не вели автоматически к экономической и политической интеграции вокруг России.

Новым фактором в развитии взаимных отношений в начале XXI в. стал бизнес, который начал самостоятельно формировать стратегии в “ближнем зарубежье”. Поскольку крупный бизнес в России появился в отраслях топливно-энергетического комплекса, тон в отношениях стали задавать именно газовые, нефтяные и энергетические компании.

К настоящему времени страны СНГ выработали согласованные взгляды на перспективы регионального сотрудничества в экономической и гуманитарной сфере. Они отражены в документах: Концепция дальнейшего развития СНГ (одобрена решением Совета глав государств СНГ от 5 октября 2007 г., г. Душанбе); Стратегия экономического развития СНГ на период до 2020 г. (утверждена решением Совета глав правительств СНГ от 14 ноября 2008 г., г. Кишинев); План мероприятий по реализации Стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 г. (утвержден решением Совета глав правительств СНГ от 22 мая 2009 г., г. Астана).

Перечисленные документы готовились при активном участии российской стороны. Параллельно в 2008–2009 гг. были обновлены российские внешнеполитические концепции. Президент Д.А. Медведев в 2008 г. утвердил “Концепцию внешней политики Российской Федерации”. В разделе IV “Региональные приоритеты” изложено современное видение целей и задач государственной политики РФ в отношении стран СНГ. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что развитие региональной интеграции предусмотрено в более узком формате, чем все постсоветское пространство.

Итак, политика российского государства в отношении СНГ формировалась путем проб и ошибок, постепенного осознания собственных интересов на постсоветском пространстве. В последние годы деятельность СНГ и более узких региональных группировок (ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС) постоянно находятся в центре внимания федеральной власти. В высшем руководстве страны есть безусловное понимание важности накопившихся здесь проблем при чрезвычайной сложности их решения. У современной России не хватает политических, демографических и финансово-экономических ресурсов на восстановление безоговорочного и монопольного доминирования на постсоветском пространстве. Особенно четко противоречие между заявкой на лидерство в регионе, с одной стороны, и ограниченностью собственных возможностей для реализации лидирующей роли – с другой, проявилось на фоне мирового финансово-экономического кризиса.

В настоящее время Россия стремится выстраивать региональное сотрудничество с государствами СНГ в разных формах. Параллельно с формированием Таможенного союза возобновились усилия по созданию более либеральной модели региональной интеграции в форме многосторонней зоны свободной торговли (МЗСТ) в рамках всего

СНГ. В середине июля 2010 г. 8 стран СНГ заявили о своей готовности войти в МЗСТ. Только Туркмения, Азербайджан и Узбекистан пока не проявили заинтересованности в этом проекте.

В очередной раз возникла идея участия России в проекте “широкой евразийской интеграции”. Проект ЕЭП все чаще трактуется как этап на пути к созданию общего экономического пространства с Европой, как путь включения России в общеевропейскую систему региональной интеграции. Логичным пунктом в этом направлении стал проект Евразийского экономического союза, предложенный В.В. Путиным в октябре 2011 г.

На новом этапе отношений со странами СНГ Россия должна исходить из глобального видения своих стратегических целей и одновременно реализовывать более рациональную внешнеполитическую линию в экономической сфере. По нашему мнению, в настоящее время наиболее реалистичным подходом может быть многовекторная внешнеэкономическая политика России (ЕС – СНГ – АТЭС), но в ее рамках важно не усиливать, а наоборот, преодолевать “европейский флюс”, сделав упор на “вектор СНГ”.

И.Ф. Селиванова: В настоящее время основные интеграционные функции берет на себя региональное объединение ЕврАзЭС, в рамках которого, сформирован и начал функционировать Таможенный союз, а с 1 января 2012 г. начнет действовать Единое экономическое пространство. Большую роль продолжают играть двусторонние отношения между государствами.

“Будущее, которое начинается сегодня”, по определению В.В. Путина, это создание Евразийского экономического союза. Этот проект получил столь широкий международный резонанс, что свою причастность к нему стал декларировать А.Г. Лукашенко, экс-президент Молдавии В.Н. Воронин призвал Молдавию немедленно присоединиться к Таможенному союзу. Казахская элита напомнила о Евразийском союзе, предложенном Н.А. Назарбаевым еще в 1994 г. Новое региональное объединение предполагается строить первоначально в формате России, Белоруссии, Казахстана, оно открыто и для других государств СНГ, в первую очередь, Киргизии и Таджикистана, которые уже заявляли о своем желании присоединиться к Таможенному союзу, как первому этапу Евразийского союза.

Конечно, главным адресатом этой инициативы является Украина, битву за которую активно ведут и Европа, и США. Представляется, что Украина не хотела бы (да и не может) окончательно привязываться к какому-либо интеграционному блоку, предпочитая получать преимущества от сотрудничества на обоих направлениях: и на западном и на восточном. Проблема в том, что и Таможенный союз (и вероятный Евразийский союз), и ЕС такой возможности ей не предоставляют, говоря, во всяком случае, на данном этапе о несовместимости ее обязательств в обоих интеграционных объединениях.

Уверенность в том, что Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах и станет неотъемлемой частью большой Европы (“вхождение в Евразийский союз позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу”), пока не слишком очевидна для лидеров государств, ориентированных на другие векторы развития (западный, в первую очередь) либо для энергообеспеченных стран. Идея Евразийского союза была критически встречена белорусской оппозицией, где ее рассматривают как прямой путь к утрате государственного суверенитета. Дело в том, что первые результаты участия Белоруссии в Таможенном союзе привели к определенным проблемам для белорусского бизнеса и населения. Повышение ввозных пошлин на импортные автомашины, ажиотажный спрос на валюту, масштабный вывоз продовольствия в Россию вследствие его более низкой цены (подобная ситуация наблюдается и в Казахстане) внесли свой вклад в финансово-экономические проблемы Белоруссии. Конечно, в перспективе Таможенный союз сулит очевидные выгоды его участникам, только за 2010 г. взаимный товарооборот между Россией, Белоруссией и Казахстаном увеличился почти на 40%.

Б.А. Шмелев: В то же время практически все интеграционные модели, предлагавшиеся Россией, не были доведены до конца. Большие надежды возлагались на Союзное государство России и Белоруссии. Однако и эта интеграционная модель отношений на

двусторонней основе пока не срабатывает. Белорусская независимость и суверенитет в глазах белорусов представляют собой самоценность и терять ее они не хотят. И именно поэтому А.Г. Лукашенко каждый раз не шел на принятие конкретных мер по интеграции двух стран, что позволяло Белоруссии до самого последнего времени получать многочисленные преференции в торгово-экономическом сотрудничестве с Россией.

М.А. Мунтян: Специфика постсоветского пространства заключается в том, что оно представляло и продолжает представлять собой мини-модель всего мира. В нем островки постиндустриализма соседствуют с огромными территориями, в той или иной степени обойденными всеми прошлыми цивилизационными революциями. Здесь индустриально развитые регионы перемежаются зонами малорентабельного сельского хозяйства и малоосвоенными или вовсе не затронутые человеческим трудом или даже самим присутствием людей. В этом пространстве сталкивались и продолжают конфликтовать интересы, ценности и все проблемы “Севера”, “Юга”, “Востока” и “Запада”, осуществляется взаимодействие православно-христианской, исламской и буддистской мировых религий.

Именно потому, что здесь воспроизводилось большинство из сложнейших проблем меняющегося мира, изначально ошибочной была ориентация российских реформаторов на то, что все полиэтничное и многокультурное постсоветское пространство может быть реформировано по одной и той же либеральной схеме. В этом крылась изначальная слабость трансформационных стратегий, применявшихся в большинстве из стран СНГ.

А.Н. Барковский: Мне давно приходится заниматься проблематикой экономической реинтеграции постсоветского пространства. Уже в октябре 1991 г. после глубокого изучения ситуации вместе с Л.В. Красновым мы опубликовали в “Экономической газете” статью под названием “Ни центра, ни периферии”, где подчёркивали, что никакие прежние отношения на базе Госплана и Госснаба нельзя будет восстановить, поскольку для лидеров республик главным станет формирование собственных независимых систем управления. После позорной акции в Беловежской пуще новые российские лидеры ухватились в качестве образца за Белую книгу ЕЭС, переписав ее положения для создания Содружества (я уже тогда предлагал заменить на “сообщество”) независимых государств.

Все наши надежды и сомнения мы излагали в этот период в печати, итогом чего стала коллективная монография “Экономические стратегии стран СНГ и Россия”. Этот ракурс не был случайным. Мы стремились посмотреть на процессы не только с позиции российского исследователя и гражданина, но и позиций интересов наших партнёров. А эти позиции всё более становились неоднородными и появились (кстати, не без влияния дискуссий в ЕС) новые термины о разносторонней интеграции и разных ее институциональных формах в рамках СНГ. Я сознательно не цитирую и не анализирую документы многостороннего сотрудничества, большинство из которых отражает эпоху романтических заимствований из Белой книги ЕЭС, что не было и никогда не будет выполнено. Об этом обстоятельно писал Ю.В. Шишков.

Попытки расставить все страны по ранжиру, особо выделив Таможенный союз, как передовой отряд интеграции, на мой взгляд, несостоятельны. Проблема интеграционных связей заключается не в тарифных усовершенствованиях (особенно когда по большому счету нет особенных резервов для наращивания взаимного товарооборота), а, прежде всего, в разработке программ стратегического значения для совместной реализации и их дополнительного распространения на сотрудничество в рамках ШОС. Иначе не проскочить изолированному от общего процесса глобализации СНГ между Сциллой ЕС и Харибдой Китая. Подводя итоги первого десятилетия, можно отметить, что СНГ, правда не в задуманном виде, сохранилось как “мягкая консультативная организация без особых взаимных обязательств” (на эту сохранность огромное влияние оказал авторитет лидера Казахстана Н.А. Назарбаева), но сам механизм регулирования многостороннего сотрудничества практически был сведен к совокупности двусторон-

них связей типа Россия – та или иная страна СНГ по линии соответствующих межправительственных комиссий.

Конечно, между странами СНГ возможны рыночные отношения. Но они будут развиваться, прежде всего, в сфере малого и среднего бизнеса и не смогут играть существенной роли в наращивании взаимного товарооборота. В обозримый период только поставки, следующие за соглашениями по крупным интеграционным проектам, в состоянии вызвать революционные преобразования в этом экономико-политическом регионе мира. И здесь нет необходимости фантазировать.

Прежде всего, за 20 минувших лет инфраструктура в этом регионе оказалась крайне изношенной, все страны находятся на пороге техногенных катастроф. Во-вторых, если посмотреть на эти задачи значительно шире, скажем, через призму Делового совета ШОС, куда входят также КНР и Индия, то можно привлечь неизмеримо большие капиталовложения и получить гораздо большие доходы, связанные с водным и энергетическим хозяйством, воссозданием Великого шелкового пути и т.д. И сама Россия тогда станет не отправной и монопольной точкой для движения товаров и капиталов в западном направлении, а одним из пунктов на пути формирования совокупных потоков, нивелируя тем самым опасения партнеров по СНГ в отношении претензий россиян на мессианскую роль в этом процессе.

Таким образом, дело на нынешнем этапе сотрудничества вовсе не в том, чтобы грамотно сформировать и согласовать общепринятые правила торговых взаимоотношений (это уже следующая задача), а в том, чтобы найти общие интересы и привлечь капиталы для совместной реализации ряда крупномасштабных проектов, стягивающих подобно обручам воедино стратегические интересы если не всех, то значительного числа стран СНГ и ШОС.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТНОШЕНИЯХ РФ И ГОСУДАРСТВ СОДРУЖЕСТВА

С.П. Гликина: Энергетика – одна из наиболее динамичных сфер взаимодействия между странами СНГ. Однако именно здесь возникают самые острые экономические конфликты: достаточно упомянуть “нефтяную” войну России с Белоруссией, “газовые” с Украиной, Белоруссией и Туркменией, “гидроэнергетическую” между Таджикистаном и Узбекистаном. Во все перечисленные конфликты вовлечена Россия, что в известной мере негативно влияет на ее роль интеграционного лидера на пространстве СНГ. Постсоветские страны с подозрительностью – зачастую неоправданной – относятся к интеграционным инициативам российской стороны, усматривая в них покушение на свой суверенитет. Характерно, что политические лидеры ряда стран СНГ используют в своей риторике термин энергетическая *независимость* как синоним более распространенного понятия энергетической *безопасности*. Спустя два десятилетия после развала СССР энергетическая независимость в зарубежных странах СНГ воспринимается как неотъемлемая и важная часть государственной независимости. Можно ли в этих условиях запустить интеграционный механизм, работающий на углеводородах?

Н.К. Меден: За 20 лет, прошедших после создания СНГ, Россия не раз меняла свой подход к интеграции в регионе, что неизбежно отражалось на ее энергетической политике, поскольку основным элементом экономических предпочтений были и остаются льготные цены на энергоносители. Последнее объясняется привлекательностью таких льгот, а также в известной степени инерцией мышления, используя стереотипы времен Совета Экономической взаимопомощи (СЭВ).

Модель интеграции СЭВ базировалась на схеме “ресурсы в обмен на единство”: СССР поставлял сырье и топливо по относительно низким мировым ценам, покупая взамен промышленные товары, уступавшие по качеству западной продукции. За 1970–1984 гг. по этому каналу СССР оказал поддержку европейским странам СЭВ в размере 196 млрд. долл. В 90-е годы тогдашнее руководство новой России схоластически перенесло модель социалистической интеграции на регион СНГ. В стратегических доку-

ментах “Основные направления энергетической политики РФ” и “Основные положения энергетической стратегии РФ на период до 2010 г.” (оба приняты в 1995 г.) Россия провозглашала СНГ своим международным приоритетом в энергетической сфере; в торговле действовал преференциальный режим. Подобно эпохе социалистической интеграции, энергоизбыточные страны СНГ дистанцировались от навязывания им модели сотрудничества, в которой они усматривали покушение на свободу распоряжаться собственными ресурсами. К примеру, Туркмения к энергетическому сотрудничеству в рамках СНГ изначально подходила с осторожностью: в частности, в 1993 г. не подписала соглашение об учреждении Межправительственного Совета по нефти и газу, довольствовавшись в этой организации статусом наблюдателя. Азербайджан, подписав договор об энергетическом сотрудничестве с Западом (“договор века” 1994 г.), в то же время заключил соглашения с Россией, свидетельствующее о многовекторном сотрудничестве Азербайджана в этой сфере. Узбекское руководство с 90-х годов распространяло на энергетику свою изоляционистскую политику в рамках СНГ; ее президент И. Каримов первым использовал термин “энергетическая независимость”.

При этом деятельность СНГ как интеграционного механизма была во многом формальной и сводилась к принятию договорных документов общего порядка. В энергетической отрасли Россия стала все больше переориентировать экспорт энергоносителей на платежеспособных европейских потребителей. Доля стран СНГ в физическом объеме экспорта газа из России сократилась с 41% в 1994 г. до 31% в 2000 г. и 23% в 2005 г.

Существенные отклонения цен на энергоносители от мирового уровня объяснялись не стремлением сохранить единое экономическое пространство – экспортёры просто не имели возможности выйти на более привлекательные рынки. Россия могла экспортировать углеводороды в Европу только через Украину и Белоруссию, а страны Центральной Азии – через Россию. В 90-е годы хронической стала проблема неплатежей, в первую очередь – со стороны Украины, руководство которой в ответ на прекращение поставок российской стороной угрожало перекрыть транзит в Европу. Проблема заключалась не в отсутствии средств – большинство из импортёров отвергли российские предложения уступить в оплату долгов свои энергетические активы, апеллируя при этом к пресловутой категории независимости – а в отсутствии политической воли. В то же время жесткий ценовой диктат по отношению к энергоизбыточным странам, для которых единственным способом поставлять свои углеводороды на внешние рынки оставался транзит через территорию России, побудил страны-поставщики к поиску альтернативных путей экспорта.

Расхождение между интеграционными намерениями и реальностью внешней энергетической политики продолжилось и в начале 2000-х годов. В “Экономической стратегии России на период до 2020 г.” указано в частности, что Россия намерена добиться формирования единой энергетической и энерготранспортной инфраструктуры на пространстве СНГ. Очевидно, что эта декларация не увязывается со строительством трубопроводов в обход транзитных стран – Украины и Белоруссии. Уже газопровод “Ямал” (1994 г.) был нацелен на снижение зависимости от Украины, а последующие проекты (БТС, “Голубой”, “Северный” и “Южный” потоки) должны в принципе избавить Россию от транзита энергоносителей через страны СНГ. “Энергетическая стратегия до 2030 г.”, где не ставится заведомо ложных целей по развитию интеграционного потенциала энергетики стран СНГ, более адекватна реальности. В этом документе указывается на необходимость развития сотрудничества в области энергетики со странами СНГ и ЕврАзЭС наряду с государствами северо-восточной Азии, Шанхайской организации сотрудничества, ЕС, а также с другими международными организациями и государствами.

Переломный момент в энергетической политике России в регионе СНГ относится к середине 2000-х годов, когда на фоне резкого роста цен на нефть Россия декларировала политическую цель стать лидером мировой энергетики. Переход к глобальному мышлению выразился в принятии по отношению к странам Содружества прагматической

доктрины, главная составляющая которой – “европеизация” цен на газ, т.е. поэтапное, начиная с 2006 г. доведение цен до уровня, по которому энергоресурсы покупают страны ЕС. Одновременно был принят закон об экспорте, предоставивший “исключительное право на экспорт газа” ОАО “Газпром”, в котором государство с 2005 г. стало мажоритарным акционером. В 2005–2007 гг. “Газпром” повысил средневзвешенную цену природного газа для стран СНГ и Балтии в 2,3 раза, а для дальнего зарубежья цена увеличилась в 1,4 раза. Однако указанное повышение цен не было свободным от политической мотивации; “Газпром” признавал, что порядок ценообразования зависит от состояния партнерства. Разграничивать в партнерстве коммерческую сторону (получение доступа к энергетическим активам в странах СНГ) от чисто политической нецелесообразно и даже порой невозможно.

Разрыв цен по поставкам газа из России в страны СНГ превышает 1/3. По внешним признакам можно предположить, что создание Таможенного союза знаменует собой возврат к схеме “энергоресурсы в обмен на интеграцию”. Россия проявила уступчивость по отношению к требованиям Белоруссии (на условиях приватизации “Белтрансгаза”) об отказе от пошлины на нефть, а Украине, при условии ее вступления в Таможенный союз, обещает ежегодную экономию за счет газовых поставок в размере 8 млрд. долл. Однако подобная трактовка российской политики не учитывает существенных изменений, протекающих на энергетическом мировом рынке в связи с глобальным финансовым кризисом, и актуальных тенденций в энергетической политике стран-партнеров. Белоруссия не намерена отказываться от курса на диверсификацию импорта энергоносителей, который в принципе противоречит идее экономической интеграции; Казахстан не торопится идти навстречу белорусским предложениям по поставкам энергоносителей; Украина, обозначив приемлемую для себя формулу сотрудничества с Таможенным союзом как “3 + 1”, оговаривает, что ее приоритетом являются переговоры о создании зоны свободной торговли с ЕС.

Со своей стороны, в результате обострения конкуренции на рынке ЕС, российский экспортер газа оказывается заинтересован в рынках сбыта в СНГ, где на фоне строительства инфраструктуры по приему сжиженного природного газа (на Украине и в Балтии) формируются альтернативные предложения поставок. В этих условиях ценовая политика по отношению к крупным импортерам может рассматриваться не как элемент интеграции, а как следствие конкуренции с иными поставщиками.

Н.Я. Лактионова: Отказавшись от геополитических плацдармов, Россия ограничила “трубой” свои горизонты. Быстрая прибыль от углеводородов обусловила отказ от производственной базы страны и реальной модернизации. В таком случае другие отрасли экономики становятся “экономически нецелесообразными”. Что еще может предложить Россия ближайшим соседям, кроме обсуждения зачастую весьма острых газотранспортных проблем?

Н.К. Медин: Ориентация на сотрудничество с западными странами и с Китаем для многих стран-экспортеров оказывается предпочтительнее связей с Россией. Желанная энергонезависимость от России, которая есть у Азербайджана, Узбекистана, а отчасти у Туркмении, не способствовала налаживанию многостороннего сотрудничества в энергетической сфере, тем более что Запад добивается вычленения Каспийского и Центрально-азиатского региона в отдельный от России источник поставок энергоносителей на мировой рынок. Этой же причиной можно объяснить неудавшуюся попытку реанимировать идею создания Организации каспийского экономического сотрудничества, которую предприняла Россия в 2008–2009 гг., призывая консолидировать потенциал пяти стран Каспийского моря в рамках многосторонних проектов. Также не получила развития идея создания в рамках Шанхайской организации сотрудничества Энергетического клуба, высказанная В.В. Путиным в 2006 г. и поначалу поддержанная всеми участниками организации. Энергетическое сотрудничество между Китаем и экспортерами энергоносителей в странах ШОС развивается, но вне рамок этой организации.

Таким образом, в настоящее время вряд ли возможно гармонизировать интересы экспортеров и импортеров энергоносителей. Экономически целесообразной коорди-

нации политики между поставщиками препятствует их финансовая, экономическая, технологическая и отчасти политическая зависимость от развитых стран-импортеров. В регионе СНГ это положение усугубляется геополитическими целями, которые преследуют США. Поэтому представляется, что развитие интеграции на постсоветском пространстве (если такую задачу действительно ставит перед собой российское руководство) должно происходить не на шаткой основе углеводородов. На наш взгляд, для решения проблем СНГ можно бы кое-что позаимствовать у британского Содружества наций. Россия не может ожидать успеха от собственных интеграционных усилий на постсоветском пространстве, пока она не продвинулась по пути диверсификации экономики и модернизации в самой широкой трактовке этого процесса.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВ СОДРУЖЕСТВА

С.П. Глинкина: Разнородность политических систем государств СНГ связана с глубокими различиями их культурно-исторических укладов, отсутствием или недостаточностью опыта собственной государственности. Дефицит демократии вполне закономерен в силу невысокого уровня экономического развития, кризисных явлений в экономике, которые тормозят реализацию демократических принципов. Нельзя сбрасывать со счетов и субъективный фактор, роль первых лиц новых независимых государств, клановые интересы бизнес-групп. Имитационная демократия, в той или иной мере характерная для всех стран СНГ, выражается, в частности, и в том, что выборы мало влияют на политические процессы в странах (за исключением Украины и Молдавии), на смену высшего руководства государств Содружества. Другой вопрос – насколько демократические принципы востребованы и эффективны в этих государствах в условиях отсутствия реальной социальной интеграции. В сложных условиях переходного периода 1990-х годов, когда им приходилось одновременно строить государство, находить свое место в системе международного разделения труда, поднимать, а иногда и просто сохранять экономику, решать социо-культурные проблемы, авторитарный стиль руководства оказывался более эффективным, поскольку соответствовал мобилизационным задачам момента. Самый яркий пример – деятельность Н.А. Назарбаева. Динамичное развитие долгие годы демонстрировала и Белоруссия под руководством А.Г. Лукашенко.

Н.И. Бухарин: После распада СССР лишь немногие страны СНГ взяли, а главное сохранили курс на политическую трансформацию как переход к демократической политической системе, либеральной демократии. Большинство из них просто адаптировали прежнюю автократическую систему к условиям создания национального государства и функционирования в его рамках. Поэтому лишь в части стран существующую ныне политическую систему можно считать переходной к демократии. При этом в принятых конституциях в большинстве государств были отражены основные положения западного конституционализма о демократическом правовом государстве, разделении властей, верховенстве закона, многопартийности, политических и гражданских правах и др. Их правовая система принадлежит к романо-германской правовой системе.

Большинство государств СНГ являются демократическими по конституционно-институциональной форме и недостаточно демократическими или недемократическими по характеру политических режимов. В Азербайджане, Белоруссии, Казахстане, России, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане возникли мягкие или жесткие авторитарные, кланово-бюрократические, персоналистские и моноцентричные режимы со слабой оппозицией. В остальных странах (Армения, Киргизия, Молдавия, Украина) политические режимы по своей сути являются плюралистическими, демократические и авторитарные практики могут преобладать друг над другом в зависимости от конкретной ситуации.

Большинство государств СНГ являются президентскими или полупрезидентскими республиками. Ряд аналитиков называют Россию, Белоруссию, Азербайджан и Казах-

стан суперпрезидентскими республиками. Однако при президентстве Д.А. Медведева РФ в связи с существованием правящего тандема таковой на практике не является. В Казахстане осенью 2007 г. была осуществлена конституционная реформа, формально расширяющая права парламента и повышающая роль партий в политической системе. В последние годы Узбекистан, Туркмения и Таджикистан постепенно стали отходить от авторитаризма, более жесткого, чем тот, который существовал в СССР.

Исключением являются Украина, Молдова, Армения и Киргизия. Украина является президентско-парламентской, Армения – полупрезидентской, а Молдова и Киргизия – парламентскими республиками.

Во всех странах СНГ выборы в национальный парламент и президента являются основным фактором легитимности власти. Вместе с тем в большинстве государств они не являются по-настоящему свободными, конкурентными, честными и справедливыми. В ряде стран они носят формально конкурентный и недостаточно свободный характер. Наблюдаются административное и информационное давление на избирателей, кандидатов и партии, неравенство ресурсов претендентов, открытая поддержка государственными структурами отдельных участников выборов, неравный доступ к средствам массовой информации, отсутствие или игнорирование наблюдателей на выборах и др. Кандидаты и партии, способные составить реальную конкуренцию властным выдвиженцам, могут не допускаться до выборов под различными предлогами. Применяется практика продления сроков полномочий должностных лиц при помощи референдумов. В августе 2003 г. С. Ниязов был избран пожизненным президентом Туркмении и остался им до своей смерти в декабре 2006 г.

В последний период реальная смена власти и изменение политического курса имели место лишь в Молдавии и Украине. В Молдавии в 2009 г. на парламентских выборах ранее правившая партия коммунистов утратила власть, а в Украине на президентских выборах бывший президент В.А. Ющенко, лидер прозападных сил, потерпел поражение.

Практически ни одна из стран СНГ в настоящее время не является стабильно функционирующей демократией. В демократическом направлении больше всех продвинулись только Молдавия и Украина, ставящие своей целью вступление в Европейский союз, членство в котором предусматривает наличие либеральной политической системы.

Запад пытается стимулировать развитие демократии в странах СНГ. Вначале он пробовал это делать при помощи так называемых “цветных революций”, которые при поддержке внешнего фактора произошли в Грузии (ноябрь 2003 г.), Украине (ноябрь – декабрь 2004 г.) и Киргизии (март 2005 г.). Их результатом были приход к власти новых политических элит, усиление в политике роли политических партий, открытость внутриэлитных конфликтов и переход к парламентско-президентской форме правления. Однако на практике эти революции свелись прежде всего к увеличению политической свободы и мало повлияли на реальную демократизацию политических и государственных институтов. Происходил некоторый всплеск в развитии гражданского общества. Однако временами свобода превращалась в хаос. Требовалось укрепление исполнительной власти. Поэтому Киргизия при К.С. Бакиеве после “тюльпановой революции” быстро эволюционировала в сторону авторитаризма. В Украине после прихода к власти В.Ф. Януковича наблюдается тенденция к усилению президентской власти.

В настоящее время ЕС пытается стимулировать демократические реформы в Восточной Европе и Южном Кавказе при помощи своей политики “Восточное партнерство”, которую инициировала Польша. Однако страны Центральной Азии не являются участниками этой программы.

В большинстве стран СНГ все еще сохраняется низкий уровень институционализации партий (в первую очередь это касается государств Центральной Азии) и их слабая роль на политической сцене.

Президентская республика и кланово-бюрократический режим замедляют становление и развитие партийной системы. Партии быстрее всего развиваются при парла-

ментской и президентско-парламентской системе. В России, Азербайджане, Армении и Казахстане возникли устойчивые “партии власти”, которые являются социально-политической базой правящего режима. Это “Единая Россия”, Республиканская партия Армении, “Новый Азербайджан” и “Нур Отан”. В политико-партийной системе этих стран они стали доминантными партиями.

Режим А.Г. Лукашенко обходится до сих пор без такой партии. К тому же Белоруссия – страна, в которой принята мажоритарная избирательная система, а она, как известно, не способствует развитию партий. В парламенте отсутствуют представители оппозиции. В Туркмении и Узбекистане существуют неконкурентные партийные системы. В Узбекистане действуют четыре партии, которые поддерживают президента страны И. Каримова. Оппозиционные партии или не регистрируются, или лишены регистрации. В Таджикистане легально действует единственная на всем постсоветском пространстве мусульманская Партия исламского возрождения, которая является оппозиционной. Наиболее развитая партийная система возникла в Украине и Молдавии. В ней представлен весь идейно-политический спектр партий. Победившая на выборах партия определяет состав правительства.

В заключение необходимо подчеркнуть, что за 20-летие независимости ни одно государство СНГ не застыло в своем политическом состоянии. Все они развивались, по крайней мере, в направлении увеличения роли парламента и создания партийной системы.

Н.Я. Лактионова: Разрыв традиционных скреп, импорт демократии и чужеродных для стран СНГ западных ценностей, отнюдь не привел к появлению самодостаточных государственных образований в Евразии. Здесь сложились, за редким исключением, квазигосударства, которые в любой момент могут стать полем очередных “оранжевых” переделов. Об устойчивых формах государственности практически всех когда-то братских республик сегодня говорить не приходится. Исключение в этом ряду не составляют даже такие довольно успешные страны, как Белоруссия и Казахстан.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

С.П. Глинкина: В последнее время военно-политическое сотрудничество в рамках ОДКБ получило определенный импульс. Две революции в Киргизии (2005 и 2010 гг.) стали тревожным сигналом для других государств, в первую очередь, Центральной Азии. Видимо, здесь лежат корни их согласия на расширение прерогатив ОДКБ, наделение организации новыми полномочиями по защите суверенитета и территориальной целостности стран-участниц не только от внешних, но и от внутренних врагов. На саммите ОДКБ в декабре 2010 г. было указано на необходимость дополнительного пакета документов, позволяющих более эффективно реагировать на кризисные ситуации вроде той, что имела место в Киргизии. Тогда, правда, лидер Узбекистана И. Каримов высказался против участия ОДКБ в разрешении конфликтов между государствами ОДКБ и на пространстве СНГ. Незавершенность политико-правовой базы ОДКБ не позволила ей откликнуться на просьбы руководства Киргизии, обеспокоенного возможным расколом государства, и вмешаться в события в республике в июне 2010 г.

“Арабская весна” 2011 г. заставила лидеров центральноазиатских государств беспокоиться прочностью своих властных позиций и подтолкнула процесс дальнейшей институализации ОДКБ в части обеспечения реализации пункта Устава о коллективной защите, если в отношении одного из членов Организации будет совершена агрессия. В этой связи уже летом 2011 г. были приняты соглашения по статусу и использованию Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, на председательство которого в ОДКБ пришлось поправки в документах Организации, заявил о возможности использования Коллективных сил оперативного реагирования для предотвращения государственных переворотов в странах – участницах этой организации. Заложенные в документах нормы позволяют регулировать вопросы пересечения границы и размещения КСОР в других государствах, предоставления

возможных услуг и снабжения этих сил стороной, куда подразделения КСОР направляются для проведения операций по решению Совета Коллективной Безопасности ОДКБ. Бесспорно, эти документы, позволяют надеяться на несравненно большую эффективность альянса, а в идеале на превращение его в действенную военно-политическую организацию.

Б.А. Шмелев: Основные направления сотрудничества в военно-политической области закреплены в Договоре о коллективной безопасности, подписанном 15 мая 1992 г. в Ташкенте (с 2002 г. – Организация Договора о коллективной безопасности). В соответствии с ст. 1 Договора государства–участники брали на себя обязательства воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях и разрешать все разногласия между собой и с другими государствами мирными средствами. В этой же статье говорилось о том, что государства–участники не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках государств, а также в действиях, направленных против другого государства–участника. Принципиальное значение имела ст. 4 Договора, в которой и заключалась его сущность. В соответствии с этой статьёй, если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств-участников Договора. В этом случае все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, включая военную.

Однако эффективность и значимость ОДКБ как инструмента по обеспечению безопасности стран – участниц лимитируется двумя факторами. Во-первых, между странами–участниками существуют серьезные противоречия, что подрывает взаимное доверие и тем самым тормозит развитие военно-политической интеграции, и, во-вторых, основная угроза безопасности для них исходит не от других государств. Возможность нападения на них извне является чисто гипотетической. Однако все они сталкиваются с многочисленными угрозами своей безопасности, которые носят не военный характер. А для устранения этих угроз ОДКБ не приспособлен, что особенно наглядно продемонстрировали события в Кыргызстане.

И.Ф. Селиванова: Военное сотрудничество, даже на фоне газовых споров, начинает налаживаться и между Россией и Украиной. Летом 2011 г. были проведены совместные военно-морские маневры, осенью – оперативно-тактические учения. В октябре на Украине в Николаевской области состоялись украинско-белорусско-российские военные маневры с целью отработки действий при выполнении миротворческих задач. Несмотря на то, что учения осуществлялись всего лишь силами совместного батальона, событие это знаковое, поскольку в таком формате подобные мероприятия не проводились с 1991 г. Чем же вызван подобный разворот Украины? Скорее всего осознанием общих угроз для трех славянских государств. Применительно к Украине социально-политическая ситуация может осложниться вплоть до угроз целостности страны, и у нынешних ее властей, видимо, нет особой надежды на своих евроатлантических переговорщиков, которые на примере Югославии, Ирака и Сирии продемонстрировали переменчивость в отношении их политических партнеров.

Пока же все страны СНГ, весьма озабоченные собственной безопасностью, резко увеличивают траты на оборону. Этот показатель растет гораздо более быстрыми темпами, чем наблюдается рост ВВП. Связано это, в первую очередь, с опасениями лидеров стран СНГ вероятностью возобновления и обострения как внутренних, так и межгосударственных военных конфликтов. С этим обстоятельством коррелирует и намерение этих государств переоснастить армии новыми видами вооружений и военной техники, которая действительно не обновлялась с советских времен и морально устарела.

Лидером по расходам на военные нужды и оборонную промышленность является Азербайджан, который в 2011 г. потратил на эти цели почти 9% своего ВВП. Свыше 4% тратит на оборону Армения, хотя количественно эти расходы более чем в 10 раз меньше того, что расходует на военные нужды Азербайджан. Такую же долю в процентном отношении к ВВП тратит на оборону и Грузия, не считая ощутимой военной помощи США в переоснащении грузинской армии. В этом контексте понятно намерение

России потратить 15–16 млрд. руб. на обустройство военных баз в Абхазии и развитие пограничной инфраструктуры. Заметим попутно, что суммарная военно-экономическая помощь Абхазии и Южной Осетии со стороны Москвы превышает военный бюджет Грузии.

В центральноазиатских государствах действует та же тенденция. В лидерах по расходам числятся Узбекистан и Киргизия (3,2 и 2,09% от ВВП соответственно). По 1,5% расходной части бюджета уходит на оборону у Таджикистана и Туркменистана. Меньше всех тратит на оборону Казахстан – 0,9% ВВП. В России на оборону уходит 3% бюджета, что, по мнению экс-министра финансов РФ А.Л. Кудрина, является чрезмерным. Кроме того, Россия оказывает прямую и косвенную военную помощь государствам – членам ОДКБ, продавая им российскую военную технику по внутренним ценам. Россия остается и основным донором в формировании коллективных сил оперативного реагирования, хотя в бюджете на 2011 г. она сократила расходы на обеспечение коллективной безопасности и миротворческой деятельности по сравнению с 2010 г. с 7,7 млрд. руб. до 0,5 млрд. рублей, т.е. более чем в 15 раз.

В этой связи стоит рассматривать и договоренности о продлении на 49 лет пребывания российских военных баз России в Таджикистане и в Армении, что вызвало большое недовольство в Баку. В целом центральноазиатские государства и Армения среди прочих сфер взаимодействия с Россией отдают явный приоритет военному сотрудничеству и экономике.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

С.П. Глинкина: По прошествии почти 20 лет после распада СССР проблема формирования и эволюции внешней политики стран Содружества остается весьма неоднозначной. Каковы же основные факторы, оказавшие и оказывающие влияние на внешнеполитические ориентиры государств постсоветского пространства? Видимо, среди них определяющее значение имеет политика России, которая претерпела существенную эволюцию за указанный период.

И.Ф. Селиванова: С самого начала Россия воспринимала государства СНГ и Балтии как “неполноценную за границу”, “ближнее зарубежье”, переоценивала их экономическую зависимость от России (“никуда они не денутся”). Уже в 1993 г. США, поняв, что Россия не в состоянии удержать новые государства в сфере своего влияния, впервые выступили с заявлением о том, что они не считают постсоветское пространство исключительной зоной российских интересов. Как следствие, последовал раскол СНГ на государства пророссийской (Белоруссия, Казахстан, Киргизия) и прозападной (ГУАМ) ориентации.

С начала 2000-х годов борьба за постсоветское пространство активизируется как со стороны России, так и внерегиональных политических сил. Россия провозглашает курс на стратегическое партнерство, формирует ЕврАзЭС, пытается ускорить строительство Союзного государства с Белоруссией, предпринимаются попытки вовлечь в интеграционные процессы Украину, которая получает порядка 1 млрд. долл. под ее вступление в Единое экономическое пространство. В то же время активизируется ГУАМ, борьба за Украину завершается “цветной революцией”, приведшей к смене политического курса Украины с многовекторного на выраженный антироссийский. Нарастает скепсис в отношении перспектив СНГ, которое рассматривается лишь как инструмент “цивилизованного развода”.

Россия по-прежнему декларирует приоритетность отношений со странами СНГ, что закреплено в Концепции внешней политики РФ 2008 г. Однако на практике ее роль как системообразующего фактора на пространстве СНГ сталкивается со значительными трудностями. Экономический кризис 2008–2009 гг. показал, что Россия оказалась в самом худшем положении среди всех стран СНГ (кроме Украины), ее финансовые возможности были явно недостаточными, чтобы оказать помощь своим партнерам и союзникам. Пятидневная (2008 г.) война с Грузией серьезно ухудшила имидж России

в глазах Запада. Ни одно из государств СНГ не признало независимость Абхазии и Южной Осетии, опасаясь проблем в отношениях со своими внерегиональными партнерами (США, ЕС, МВФ).

В то же время и Россия, и страны СНГ отдают себе отчет в том, что решить задачи модернизации без достаточно интенсивного сотрудничества со странами Запада им не удастся. В этом отношении Россия предпринимает очевидные усилия по развороту к Западу, прорабатывая идею о создании с ним общего экономического пространства, добиваясь самостоятельного вступления в ВТО (прежде речь шла о совместном вступлении с Беларуссией и Казахстаном).

По мере укрепления собственной государственности лидеры СНГ стали все в большей степени опираться на другие центры силы, либо близкие цивилизационно, либо выгодные с экономической точки зрения, либо способные обеспечить отход от влияния России на действия новых элит.

Зачастую все эти и объективные и субъективные факторы переплетались, а сами новые государства становились средством достижения политических целей внерегиональных игроков. В результате для всех государств СНГ ныне характерно политкорректное подчеркивание многовекторности их внешнеполитической деятельности. И это объяснимо, поскольку пространство СНГ оказывается под давлением трех динамично развивающихся цивилизаций – западноевропейской, мусульманской и китайской. Разнонаправленность ориентации внешнеполитических курсов рассматривается странами СНГ как инструмент обеспечения благоприятных внешнеполитических условий для решения внутренних проблем.

В современном глобализирующемся мире отделить внешнюю политику от экономики, от задач модернизации, актуальных для всех новых независимых государств, практически невозможно. И это в значительной степени влияет на выбор их внешнеполитических приоритетов. В этом контексте привлекательность России весьма невелика, как с точки зрения экономики (сырьевая ориентированность российской экономики не предполагает широких интеграционных проектов), так и внутренних политических процессов, поведения элит. Экономическая ситуация не дает возможности России осуществлять крупные инвестиционные проекты. Доля стран СНГ составляет всего 13–14% во внешнеторговом обороте России.

В то же время экономическая зависимость от России остается для этих государств весьма значительной. Это и сохраняющиеся кооперационные связи, и потребности в российских энергоресурсах, и емкий российский рынок. И, тем не менее, государства СНГ готовы идти на сотрудничество и интеграционные формы взаимодействия только до тех пор, пока нет угрозы их суверенитету. Для них по-прежнему актуальна задача сохранения и укрепления суверенности, а главную угрозу выполнения этой задачи элиты Украины, Беларуссии, Молдавии, Грузии и других постсоветских стран видят именно в политике России по отношению к ним, имея в виду методы осуществления экономической политики, подмену интересов государства интересами “Газпрома”, “принуждение” к интеграции, исторические обиды, идеологические противоречия и т.д.

А.С. Ципко: Суверенитет стал для этих государств сакральной ценностью, их руководители с очень большой неохотой идут на создание каких-либо наднациональных органов, что не может не ограничивать интеграционные проекты. Это наглядно продемонстрировала и демонстрирует ситуация с Украиной и до недавнего времени с Беларуссией. Во многом аналогичные проблемы характерны и для других государств постсоветского пространства. Именно здесь кроется основное противоречие: все хотят отойти от России, но Россия – центр этого мира и здесь находятся ее стратегические интересы, а цивилизационная и интеграционная привлекательность России явно недостаточна для восстановления ее лидирующего положения в евразийском регионе.

Поэтому работа в направлении использования общего цивилизационного потенциала, с одной стороны, а с другой – устранение Россией собственных ошибок, способны скорректировать вектор внешнеполитической ориентации стран СНГ с прозападного на пророссийский.

И.Ф. Селиванова: Нельзя не замечать тенденцию к корректировке отношений с Россией во внешнеполитической и внешнеэкономической практике государств СНГ и стран Балтии. После 20 лет независимого существования этих государств, когда лидеры многих из них активно использовали антироссийскую риторику как средство упрочения государственности и их личных позиций, наступило время подсчета баланса выгод и неудобств от сотрудничества с Россией. Подобная эволюция, обозначенная в экспертном сообществе как принцип избирательного партнерства, выражается в том, что каждая страна СНГ строит свои отношения с Россией только в областях, представляющих для нее очевидный интерес.

Таким образом, даже беглый обзор международной деятельности постсоветских государств приводит к очевидному выводу о том, что процесс их становления в качестве устойчивых субъектов международных отношений еще не завершен, а выбор внешнеполитических ориентиров далеко не окончателен. Являясь объектом конкурентной борьбы со стороны сильных внерегиональных игроков, эти страны все дальше отходят от однозначно пророссийской ориентации, предпочитая тактику избирательного партнерства с Россией. При этом явная антироссийская риторика уходит в прошлое (а если сохраняется, то в меньших размерах), уступая место (или сочетаясь) с развитием экономических отношений в тех отраслях и сферах, которые представляют интерес для этих стран.

Б.А. Шмелев: Однако роль России как системообразующего фактора на пространстве СНГ постепенно сокращается, а геополитические устремления России и государств СНГ все чаще расходятся. Эти государства предпочитают получать от России кредиты, помощь, сырье, не давая никаких политических обязательств.

Но и надежды на тесное сотрудничество с европейскими структурами, НАТО и США пока весьма призрачны. И не только в силу финансово-экономических проблем, с которыми сталкиваются западные страны, но и из-за нежелания самих элит новых государств действовать строго в рамках европейских норм и требований, следовать общеевропейским ценностям, а не только исходить из стремления реализовывать в этом сотрудничестве собственные интересы.

М.А. Мунтян: В числе основных факторов, обусловивших снижение российского влияния в странах СНГ, представляется важным назвать повышение активности внерегиональных игроков. В 90-е годы XX в. российское доминирование в СНГ было практически официально признано американской и европейской дипломатией. В 1996 г. видный американский дипломат Д. Марк писал о необходимости “осуществлять такую политику, которая укрепляла бы стабильность всех режимов власти в Закавказье, не оспаривая очевидное доминирование России и не принимая на себя политических обязательств”. В дальнейшем, однако, США и ЕС стали рассматривать постсоветское пространство как сферу своих непосредственных интересов, что проявилось:

- а) *в прямом военном присутствии США в Центральной Азии;*
- б) *в политике ЕС по диверсификации маршрутов доставки энергоносителей из прикаспийского региона;*
- в) *в волне прозападных “цветных” революций;*
- г) *в процессе планомерного расширения НАТО и ЕС;*
- д) *в политике добрососедства ЕС в отношениях со странами СНГ;*
- е) *в проекте “Восточное партнерство” и т.д.*

Расширение Евросоюза за счет приема восточноевропейских государств, движение НАТО “на восток” фактически превратили СНГ:

- в пространство общего соседства западных стран и России,
- в ареал их соперничества и сотрудничества,
- в поле, на котором сталкиваются и реализуются их стратегические интересы.

Многие негативные моменты и возникающие геополитические угрозы в СНГ являлись следствием того, что Россия не сумела компенсировать свою временную слабость и ограниченность внешнеполитических ресурсов успешной дипломатией, способной при опоре на объективные факторы и процессы, не допустить расчленения российского

цивилизационного пространства. Претенденты на заполнение возникших здесь зон “вакуума влияния” угрожают не только интересам России, но и независимому развитию стран – членов СНГ. Превращение Содружества в равноправное и действенное объединение полностью соответствует фундаментальным геополитическим интересам всех его участников.

Саммит лидеров СНГ в Душанбе в октябре 2007 г. утвердил Концепцию развития СНГ, в которой указывалось: “Повышение эффективности деятельности Содружества будет основной задачей наступающего этапа развития СНГ”. Основной целью СНГ документ провозгласил “формирование в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического объединения заинтересованных государств, обеспечивающего эффективное развитие каждого его участника”. Помощник президента России С.Э. Приходько, оценивая Концепцию развития СНГ, отметил: “Не скажу, что Концепция – это революционное решение, нам революции не нужны, но документ нацелен на достижение консенсуса, чтобы СНГ не только существовало и работало, но и занимало достойное место в обсуждении межгосударственных вопросов”.

В этой связи приоритетными для российской внешней политики на пространстве СНГ остаются:

обеспечение стабильности на пространстве Содружества в политической, экономической, социальной, военной и других сферах;

содействие становлению государств СНГ как политически и экономически устойчивых стратегических союзников и партнеров России;

создание действенных совместных механизмов реагирования на возникающие угрозы и вызовы, формирование системы коллективной безопасности, в первую очередь на основе Организации Договора о коллективной безопасности;

нахождение с учетом взаимных интересов путей решения общих проблем, реализации совместных программ и проектов;

ускорение процесса унификации нормативно-правовой базы в первую очередь экономической, создание эффективной платежной системы;

расширение производственной кооперации и формирование финансово-промышленных групп;

усиление присутствия российского капитала на рынках СНГ;

расширение многостороннего сотрудничества субъектов Российской Федерации с административно-территориальными образованиями государств СНГ;

защита прав и интересов соотечественников в странах СНГ;

выработка общих подходов государств Содружества к международным проблемам, координации действий на мировой сцене.

Инициатива В.В. Путина по созданию Евразийского союза открывает новый этап в развитии СНГ. В этой связи указанный проект призван реализовать тот интеграционный потенциал, который до сих пор не был, по разным причинам, использован государствами – членами Содружества. В международном плане Евразийский союз может существенно упрочить позиции России на постсоветском пространстве как центра евразийского интеграционного ареала и как одного из акторов глобального влияния. Геополитически данная инициатива может смикшировать угрозу еще большего отеснения России от торгово-экономических и иных коммуникаций, которые соединят рынки Евросоюза и стран АТЭС с помощью воссоздания “Великого шелкового пути” (ВШП) в обход России. По замыслу авторов этого плана, ВШП должен пройти в обход России по территориям Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Азербайджана, Грузии, Турции. Рассматриваются варианты также с участием Молдовы, Украины, Армении и Ирана. Строительство такой трансевразийской магистрали создаст по существу новое глобальное экономическое пространство. Если эта магистраль пройдет в обход России, то последняя буквально “выпадет” из него.

На проведенном в начале сентября 1998 г. в Баку совещании представителей 35 стран обсуждалась стратегия создания нового транспортного коридора Азия – Европа. Руководствуясь только политическим желанием “объехать” Россию с юга,

отрезать ее от связей с южными странами, создатели нового “шелкового пути”, по существу, действовали в соответствии с евразийской стратегией США, преследующими цель окончательного раздробления хартленда Евразии, смещения центра континента к югу от российской территории. Парадокс, складывающийся в связи с ВШП, заключается в том, что *России самой историей и географией уготована участь ведущей транспортной державы мира*, обеспечив прямое железнодорожное сообщение длиной в 20 тыс. км между Западной Европой и Японией, из которых 12 тыс. будут приходиться на РФ. В отличие от ВШП, основные части указанной магистрали уже существуют и функционируют. Остается лишь дополнить их строительством нескольких недостающих участков или расширить, модернизировать узкие места, не рассчитанные на обслуживание гигантских товаропотоков, могущих быстро и дешево соединять рынки стран Европы и АТР. Эта идея в последние годы довольно громко звучала в нашей стране, в частности ее высказал В.В. Путин в качестве конкретного предложения еще на форуме стран АТЭС в Брунее осенью 2000 г.

Создание Евразийского союза может увеличить шансы на то, что *человечество внесет это предложение в число первоочередных вопросов своей повестки дня*. Идея супермагистрали XXI в., которую предлагает Москва в качестве не столько альтернативы, сколько параллельного ВШП путепровода позволит связать евроатлантический и азиатско-тихоокеанский рынки, тем самым построив недостающее пока звено мировой экономической системы, сделает хартленд глобальной осью развития мирового рынка. Такой геоэкономический маневр может послужить мощным средством консолидации стран – членов СНГ, каждая из которых получит свою долю прибыли в случае реализации указанной трансконтинентальной магистрали. Интересы их хозяйственного прогресса и геополитика в данном случае будут идти рука об руку, что предполагает долгосрочный успех всего дела.

И.И. Орлик: Политика ведущих стран Запада направлена на вытеснение России из Центральной Азии, Кавказа и Украины, против углубления интеграционных процессов в рамках СНГ. Именно эта политика определяла и отчасти определяет сейчас стремление ряда политических элит (прежде всего в Грузии, Молдавии, в какой-то степени на Украине) присоединиться к Евросоюзу и НАТО или проводить “многовекторную” политику, в которой Россия занимает отнюдь не определяющую роль.

В.И. Дашичев: Во главу угла политики США на постсоветском пространстве были положены не только финансово-экономические, но и пропагандистско-психологические подрывные методы. Особую роль среди них играло демагогическое манипулирование понятиями демократии, прав и свобод личности. В ее формирование оказались втянуты и европейские союзники Вашингтона. Поэтому в современных условиях особую значимость и остроту приобретает вопрос адекватного восприятия и понимания характера внутренних и внешних угроз для безопасности и развития России и других стран СНГ и эффективного противодействия этим угрозам.

М.Е. Симон: В отношениях со странами СНГ важнейшую роль играет Европейская политика соседства (ЕПС). Посредством ЕПС Евросоюз стремится избежать появления разделительных линий с новыми соседями, укрепить стабильность, безопасность и благополучие для всех, а также притормозить собственное дальнейшее расширение. У европейских стран постсоветского пространства есть собственный интерес: им требуется поддержка извне для консолидации реформистских усилий, а в перспективе – для возможного членства в Евросоюзе.

Важно, что у ЕС и России не совпадают представления о совместимости европейского интеграционного пространства и постсоветского пространства. С точки зрения ЕС, эти два пространства совместимы. ЕС проводит политику по распространению своего влияния на постсоветском пространстве, но не предлагает этим странам членство в собственных рядах и не оказывает поддержки СНГ как объединению. Напротив, Россия считает эти пространства несовместимыми, приводя аргумент о технической невозможности осуществления синхронизации энергосистем СНГ и Европы, а также Украины и Молдовы с европейской энергосистемой.

Представляется, что Россия объективно заинтересована в сотрудничестве с ЕС на постсоветском пространстве. Она нуждается в сильных партнерах и политической поддержке в преодолении серьезных вызовов безопасности. Обострение конкуренции с Западом на постсоветском пространстве противоречит курсу России на консолидацию пространства СНГ при сохранении своих сильных позиций. Решающим условием развития сотрудничества между РФ и рассматриваемыми государствами становится освоение политическими элитами новой культуры межгосударственных отношений.

СОТРУДНИЧЕСТВО В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ

С.П. Гликина: Картина взаимоотношений государств СНГ остается неполной без рассмотрения культурной и гуманитарной составляющей этих отношений. Этим вопросам в прошедшее сложное 20-летие уделялось, пожалуй, меньше всего внимания. Государства были заняты построением государственности и решением экономических проблем. Конечно, основную роль в этом процессе могла и должна была играть Россия, не только в силу ее экономических и политических возможностей, но, в первую очередь, ее цивилизационного потенциала. Эксперты неоднократно обращали внимание на недостаточность использования Россией возможностей гуманитарного сотрудничества, на игнорирование механизмов soft-power (“мягкая сила”). Далеко не все стороны внутриполитической жизни и методы осуществления межгосударственных отношений, используемые Россией, привлекательны для стран Содружества. Тем не менее, инерция общего культурного пространства, существовавшая в СССР, сохраняется и ныне. Ее развитие или хотя бы поддержание может стать важным инструментом реализации целей российской внешней политики в направлении консолидации постсоветского пространства.

И.Ф. Селиванова: Институциональное оформление гуманитарного сотрудничества приходится на середину 2000-х годов. Тогда создаются новые структуры, реализующие внешнюю политику в сфере науки, культуры и образования. В первую очередь это федеральное агентство “Россотрудничество” в рамках Министерства иностранных дел, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества СНГ (МФГС СНГ, 2006 г.) и фонд “Русский мир” (2007 г.). Первая структура использует опыт советских обществ дружбы с зарубежными странами, создавая по всему миру центры российских технологий и культуры. “Русский мир” занимается в основном продвижением русского языка и изучением русского зарубежья, в том числе посредством распределения государственных исследовательских грантов. Фонд активно сотрудничает с общественными организациями зарубежных стран. Исследованиями по распространению и трендам развития русского языка активно занимается исследовательский фонд “Наследие Евразии”, созданный в 2004 г. Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества СНГ, использующий в своей деятельности принципы ЮНЕСКО, является организатором ежегодных форумов интеллигенции, которые проводятся с 2006 г. (Москва, 2006 г., Астана, 2007 г., Душанбе, 2008 г., Кишинев, 2009 г., Москва, 2010 г.).

Несмотря на малый срок существования этих структур можно говорить об их вкладе в гуманитарную политику России, о формировании основных направлений этой политики. Это – инновационное и гуманитарное партнерство как основа динамичного развития стран СНГ. Особое внимание уделяется проектам, направленным на молодое поколение. Центральное место среди них занимают проекты МФГС. В 2010 г. на форуме интеллигенции в Москве состоялась презентация Сетевого открытого университета СНГ (СУ СНГ), созданного по инициативе Российского университета дружбы народов (РУДН). В работе проекта уже участвуют 16 вузов из 8 стран СНГ. Помимо РУДН Россию в нем представляют Новосибирский государственный университет, Санкт-Петербургский университет, Московская государственная юридическая академия, МГИМО. СУ СНГ начал осуществлять магистерские программы для 16 вузов из 8 стран. Создан и Международный инновационный центр нанотехнологий, работают Высшие курсы по нанотехнологиям, учреждена премия “Содружество дебютов”, которой награждаются

молодые ученые по трем основным номинациям: “Гуманитарные и социальные науки”, “Естественные науки” и “Технические науки”.

Важнейшим направлением гуманитарной политики России является остановка процесса сокращения русскоязычного пространства и ареала использования русского языка как языка межнационального общения, поддержка преподавания русского языка в странах СНГ. Министерство образования РФ при поддержке МИД в рамках образовательных проектов издает специальные учебники русского языка для стран СНГ, увеличились квоты для студентов в российских вузах, развиваются межвузовские связи. “Русский мир” вместе с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) организовали систему стажировок для учителей-русистов, налажены контакты с директорами зарубежных школ с преподаванием русского языка, преподаватели российских вузов выезжают в вузы стран СНГ, идет наращивание образовательных программ. В странах Содружества появляются специализированные магазины русской книги. Конечно, этого недостаточно, но начало восстановлению гуманитарных связей положено, в странах СНГ среди образованных и творческих граждан сохраняется и поддерживается интерес к российскому социо-культурному пространству. Возможности российской гуманитарной политики используются пока далеко не в полной мере, зачастую масштабные мероприятия превращаются в средство политического пиара, носят демонстративно парадный характер, подменяя собой конкретные проекты и дела. В то же время лидеры стран СНГ далеко не всегда открыты для гуманитарного сотрудничества, исключая его из приоритетов своей внешней политики.

Н.Я. Лактионова: Именно русская культура была тем связующим материалом, который скреплял разнородное пространство. Без нее эта территория становится зыбкими “Балканами”, регионом нестабильности и борьбы интересов. Именно в обрамлении русской культуры достигали своего расцвета национальные культуры народов Евразии. Тем более что подобная модель есть исторически сложившаяся матрица существования России и всего евразийского региона.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ

И.Ф. Селиванова: Если применить законы диалектики к общественно-политическим процессам, а гегелевскую формулу тезис – антитезис – синтез использовать как кальку для оценки ситуации после распада СССР, то получится, что Советский Союз – это тезис, СНГ – антитезис, а когда и каким будет синтез предсказать довольно сложно в силу множественности неприсчитываемых пока факторов. Очевидно лишь, что политическая инерционность, присущая России по причине огромности ее территории, традиций государственного управления и разочарований в результатах реформирования 90-х годов, когда произошел совершенно естественный откат и отказ от радикальных перемен, их массовое народное неприятие не дают оснований надеяться на скорый интеграционно-модернизационный результат. Это не значит, что Россия утрачивает свою ведущую роль на постсоветском пространстве, просто меняются способы реализации этой роли: от патронатно-благотворительных к партнерско-прагматичным.

Вклад России в развитие СНГ, даже с учетом роли Белоруссии и Казахстана, был и остается преобладающим. Это наглядно подтверждается выдвижением РФ в 2010 г. концепции развития сотрудничества стран – членов Содружества по всем направлениям – в экономике, гуманитарной сфере, обеспечении безопасности. В течение длительного времени обсуждается проект Договора о зоне свободной торговли стран СНГ¹. Вместе с тем условия осуществления российского лидерства в СНГ остаются затратными по своей сути и не всегда результативными с точки зрения практических приоритетов.

И.И. Орлик: Формирование отношений между Российской Федерацией и странами СНГ происходило в условиях серьезных социально-экономических преобразований во всех странах, переориентации их внешних связей. На политические отношения накла-

¹ 18 октября 2011 г. 8 стран СНГ подписали Договор о зоне свободной торговли.

дывали отпечаток сохранившиеся проблемы прежних времен, а также трудности новых системных трансформаций, что в совокупности с глубоким изменением основных приоритетов внешней политики России и СНГ заметно тормозило развитие их и политического, и экономического взаимодействия.

И все же первое десятилетие нового века привело к иному качеству геополитической ситуации: постепенной нормализации отношений между Россией и странами СНГ вопреки продолжающемуся воздействию западного фактора на внешнюю политику постсоветских государств.

С.П. Глинкина: То, что сейчас происходит на постсоветском пространстве, носит во многом объективный характер. Развивающиеся здесь процессы, видимо, на данный момент неизбежны и исторически обусловлены.

Неудачи в реализации проекта СНГ, который задумывался в качестве приоритетного направления российской внешней и внешнеэкономической политики, требует критической оценки всей предшествующей деятельности России в СНГ и выработки новых подходов к сотрудничеству с этой группой государств.

Как представляется, Россия не сможет перейти к устойчивому развитию демократии, строительству правового государства, если она будет окружена по периметру недружественными, а тем более враждебно настроенными к ней государствами. Противостояние с ними потребует отвлечения значительных материальных, политических и информационных ресурсов, резко ограничит возможности для маневра российской дипломатии в международных делах.

Многофакторный анализ дает многочисленные аргументы в пользу важности усиления на современном этапе и в перспективе именно региональной составляющей внешних связей России с упором на постсоветское пространство. В условиях разворачивающихся в мире глобальных процессов, когда государства различных регионов создают интеграционные группировки, позволяющие им более эффективно решать вопросы своего социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности, Россия также заинтересована в формировании такой интеграционной группировки – нового регионального союза в Евразии, выступая лидером интеграции. С позиции теории экономического роста важно расширить экономическое пространство до некоего оптимального масштаба (250–300 млн. человек), с учетом тенденций формирования крупных региональных союзов, международных макрорегионов.

При таком подходе постсоветское пространство – безусловный приоритет внешних связей РФ, но не по фактическим достигнутым результатам (около 1% в мировом ВВП и 0,8% в мировой торговле – без учета России), а с учетом его перспективного значения для развития нашей страны. Рынок СНГ крайне необходим для ускоренного развития обрабатывающих отраслей отечественной экономики. Потенциально – это главная зона экономической экспансии российских инвестиций, новых технологий, интеллектуальных услуг и ареала “вращения” ростков новой экономики. Регион СНГ – важнейший дополнительный источник трудовых и природных ресурсов, транзитная территория, по которой пролегают международные транспортные коридоры.

Отсюда представленный В.В. Путиным осенью 2011 г. проект “Евразийского союза”, предлагавшийся с некоторыми вариациями Н.А. Назарбаевым еще в 1994 г. Базовое условие реализации этого проекта – модернизация России. Она первична для успешной интеграции, а не наоборот. Обратная связь, однако, существует: если в России получит развитие новая экономика, появятся конкурентные производства и продукция для внешнего рынка, то таким рынком, в первую очередь, может стать рынок СНГ, где российскому бизнесу будет легче, чем где-либо завоевать свои позиции. Динамика технологического обновления российской экономики и то, как в этот процесс будут включены партнеры по Содружеству и, наоборот, как в процессах модернизации стран Содружества будет участвовать Россия, во многом обусловит характер региональной интеграции постсоветских стран в ближайшие годы.

Материалы “круглого стола” подготовила к печати И.Ф. Селиванова.